

Парадоксъ лжи

«Вашъ отецъ диаволь...; когда говоритъ онъ ложь, говоритъ свое, ибо онъ лжець и отецъ лжи».

Отъ Юанна, гл. 8, 44.

«Il y a toujours quelque mensonge dans l'ordre.

«Le mensonge est une systématisation qui recouvre une disharmonie».

«Un mensonge est à la racine de l'existence en tant qu'elle suppose la discordance utilisée au profit de la systématisation».

Fl. Paulhan «Le mensonge du monde».

Огромна роль лжи въ человѣческой жизни. Миръ захлебывается отъ лжи. На проблему лжи слишкомъ мало вниманія обратили философы. Лгутъ не только люди лживые по природѣ, но и люди правдивые. Лгутъ не только сознательно, но и бессознательно. Люди живутъ въ страхѣ и ложь есть орудіе защиты. Структура сознания деформируется функцией лжи, порожденной страхомъ. Существуетъ нѣсколько типовъ лжи и наиболѣе интересенъ тотъ типъ лжи, который сознается не какъ грѣхъ и порокъ, а какъ долгъ. Элементарнымъ представляется типъ лжи корыстной, какъ средства для достиженія эгоистическихъ цѣлей. Есть типъ лжи безкорыстной, почти художественной, когда человѣкъ не дѣлаетъ различія между реальностью и собственной выдумкой. Этотъ типъ тоже не будетъ меня интересовать. Есть еще типъ лжи изъ состраданія, который можетъ быть спасеніемъ жизни другого человѣка. Правдивость не означаетъ формализма и педантизма. Нравственный актъ человѣка всегда творчески-индивидуальный и совершается для конкретнаго случая жизни, единичнаго и неповторимаго. Но наибольшее значеніе имѣетъ ложь социальная, утверждаемая какъ долгъ. Это она заполняетъ жизнь государствъ и обществъ, поддерживаетъ ци-

визацию, это ею гордятся, какъ предохраненіемъ отъ распада и анархіи.

Глубоко укорененные въ массовое сознание мифы являются выраженіемъ этой лжи. Черезъ эти организованные мифы ложь управляетъ міромъ, охраняя человѣческія общества. Древніе мифы возникали изъ коллективнаго бессознательнаго творчества и въ основаніи ихъ всегда были какія-то реальности. Современнымъ мифамъ свойственна сознательно организованная ложь. Въ нихъ нѣтъ наивности. Это будетъ звучать пессимистично, но нужно признаться, что ложь кладется въ основаніе организациі общества. Чрезъ нее, ничѣмъ не прикрытая истина могла бы привести къ концу всѣхъ вещей, къ распаду общества и государствъ, говорятъ защитники прагматизма лжи. Политика въ значительной степени есть искусство управленія человѣческими массами, т. е. предполагаетъ демагогію, т. е. предполагаетъ ложь. Это искусство пользуется мифами, которые не являются случайнымъ продуктомъ фантазіи, которые носятъ сознательно организованный характеръ. Мифъ одинаково создается о предметѣ любви и предметѣ ненависти, въ немъ сильныя эмоціи достигаютъ большой напряженности и конкретности. Эросъ и анти-эросъ одинаково вызываютъ работу восплавленной фантазіи, создающей образы. Ложь, признанная социалью-полезной, сейчасъ достигаетъ въ мірѣ столь небывалыхъ размѣровъ и настолько деформируетъ сознание, что ставится вопросъ о радикальномъ измѣненіи отношенія къ истинѣ и лжи, объ исчезновеніи самаго критерія истины. И раньше ложь играла немалую роль въ политической жизни. Въ дипломатіи всегдѣ прибѣгали къ хитрости и коварству. Съ начала новаго времени макіавелизмъ вошелъ въ Европѣ въ систему управленія государствами. Но все же ложь не признавалась окончательно высшимъ принципомъ жизни, стремящейся къ возрастанію и могуществу. Измѣненіе отношенія къ истинѣ было уже у Ницше, у Маркса, въ прагматической философіи. Ницше уже говорилъ, что истина есть порожденіе воли къ могуществу. Марксъ училъ, что познаніе истины связано неразрывно съ революціонной классовой борьбой и не можетъ быть истина отрѣщенной отъ этой борьбы. Прагматическая философія утверждаетъ, что истина есть полезное и плодотворное для процесса жизни. Такимъ образомъ истина цѣликомъ подчиняется витальному процессу, ея критеріемъ является возрастаніе могущества жизни. И это на практикѣ приводитъ къ тому, что перестаютъ искать истины, ищутъ силы. Но для пріобрѣтенія силы ложь можетъ оказаться плодотворнѣе истины. Ищутъ силы потому, что чув-

ствують себя погибающими въ мірѣ, который пришелъ въ жидкое состояніе, въ которомъ нѣтъ уже твердыхъ тѣлъ. Я помню, какъ на одномъ международномъ съѣздѣ въ Германіи, незадолго до пришествія Гитлера къ власти, былъ прочитанъ докладъ о настроеніяхъ нѣмецкаго студенчества и основной мыслью этого доклада была, что студенты перестали искать истины и ищуть силы. Отсюда необычайная роль техники въ современной жизни.

Ложь есть главная основа т. н. тоталитарныхъ государствъ, безъ организованной лжи они никогда не могли бы быть созданы. Ложь внушается, какъ священныи́и долгъ, долгъ въ отношеніи къ избранной расѣ, въ отношеніи къ могуществу государства, въ отношеніи къ избранному классу. Это даже не сознается какъ ложь. Не признается ложью то, что усиливаетъ динамизмъ, служитъ возрастанію жизни, что даетъ силу въ борьбѣ. Ложь можетъ даже казаться единственной истиной. Хитрость разума, о которой говоритъ Гегель, превращается въ сознательную практику полезной лжи. У Гегеля была уже опасность релятивизаціи истины, подчиненія ея относительности исторіи. Ложь, которая въ опромныхъ размѣрахъ практикуется въ совѣтской Россіи и которая получила чудовищное выраженіе въ московскихъ процессахъ старыхъ коммунистовъ, есть діалектическая ложь. Ложь оказывается діалектическимъ моментомъ въ осуществленіи совершеннаго коммунистическаго общества. Каждый моментъ діалектическаго процесса релятивизируется для окончательнаго торжества логоса въ этомъ процессѣ, напр., старый коммунистъ, вѣрный коммунистической идеѣ, превращается въ фашиста, предшествующій моментъ этого процесса совершенно отрицается, но это признается необходимымъ для осуществленія цѣли даннаго процесса и т. д. Ложь въ фашизмѣ и національ-соціализмѣ носитъ не діалектическій, а витально-динамическій характеръ. Проповѣдь истребляющей ненависти къ евреямъ и марксистамъ нужна для усиленія динамизма, для возрастанія витальной силы. Все, что говорится о расовомъ или классовомъ врагѣ, обыкновенно есть ложь. Врагъ есть фикція, необходимая для взвинчиванія энтузіазма, для оправданія насилія, для возрастанія могущества. Фронты, которые образуются въ мірѣ, проникнуты ложью. Такъ называемый антикоммунистическій фронтъ есть ложь и шантажъ. Въ Германіи это есть просто орудіе международной политики и прикрытіе желанія раздѣла Россіи. Вообще же это есть концентрація корыстныхъ капиталистическихъ и фашистскихъ силъ. Но антифашистскій фронтъ, несмотря на существованіе реальной опасности фашизма во всемъ мірѣ, тоже заключаетъ въ себѣ

ложь, ибо фашистами называютъ всёхъ антикоммунистовъ, что, конечно, невѣрно. Многіе сторонники капитализма являются либералами, а не фашистами. Фашизмъ же ликвидируетъ частный капиталъ и замѣняетъ его государственнымъ. Ложью является дѣленіе міра на два лагеря, это есть пріемъ войны. Въ дѣйствительности міръ гораздо сложнѣе, онъ не состоитъ изъ фашистовъ и коммунистовъ. На лжи также основаны политическія партіи. Демагогія, безъ которой не могутъ обойтись партіи, всегда предполагаетъ ложь. Лозунги, которые выставляютъ партіи во время предвыборной агитаціи, обыкновенно ничего не имѣютъ общаго съ ихъ реальной практикой. У всёхъ возвышенныя цѣли, прикрывающія очень не возвышенные интересы.

Съ болѣе глубокой точки зрѣнія вѣрно обратное тому, что утверждаетъ прагматическая философія, что утверждаетъ всякая теорія, подчиняющая истину органическому витальному процессу. Съ большимъ основаніемъ можно было бы утверждать, что ложь полезна для завоеваній жизни и для организациіи силы въ этомъ мірѣ. Истина, чистая, не искаженная истина, можетъ быть вредна и разрушительна для организациіи порядка, для всякаго систематизированнаго прикрытія дисгармоніи. Это въ сущности и говоритъ Поланъ, единственный мыслитель, обратившій серьезное вниманіе на проблему лжи. Съ этимъ связанъ глубокой трагизмъ въ судьбѣ христіанства. Достоевскій въ гениальной Легендѣ о Великомъ Инквизиторѣ раскрылъ не только діалектику свободы и авторитета, но и діалектику истины и лжи въ организациіи царства міра сего, въ организациіи церкви и государства. Истина, раскрытая Христомъ, есть истина о безконечной свободѣ духа. Великій Инквизиторъ, устами котораго въ сущности говорятъ всѣ желающіе организовать міровой порядокъ, призналъ истину Христову разрушительной и анархической и для организациіи блага людей онъ захотѣлъ исправить дѣло Христа. Аргументацію Великаго Инквизитора почти дословно повторяетъ Шарль Моррасъ, вождь французскихъ монархистовъ, который считаетъ Евангеліе книгой разрушительной и анархической, но восхваляетъ католическую церковь за то, что она сумѣла превратить эту разрушительную и анархическую книгу въ силу, организующую порядокъ, т. е. «исправила» дѣло Христа. Было бы въ высшей степени несправедливымъ отнести Легенду о Великомъ Инквизиторѣ исключительно къ католицизму. Все историческое христіанство сумѣло превратить христіанскую истину, которая есть апокалиптический взрывъ міра, въ силу приспособленную къ этому міру, къ витальнымъ интересамъ этого міра. Тысячу разъ люди утвер-

ждали, что міръ можно спасти ложью и только ложью, что истина опасна для самаго существованія міра. И все вновь и вновь ставится передъ людьми вопросъ, можно ли, допустимо ли спасти міръ ложью? Можно ли отдать себя служенію истинѣ и рискнуть существованіемъ міра? И это значило, можно ли во имя истины рискнуть гибелью? Ложь можетъ поддержать организацію общества и государства. Но она внутренне разрушаетъ личность. Истина же укрѣпляетъ личность.

Достоевскій поставилъ глубокую проблему. Но по иному, столь же радикально поставилъ проблему Л. Толстой, самый правдивый писатель міровой литературы. Все творчество Л. Толстого направлено противъ лжи, есть художественное обличеніе лжи, на которой покоится цивилизація, государства, организація общества. Въ сущности Л. Толстой предлагаетъ всѣмъ рискнуть, все поставить на карту. Сущность толстовскаго ученія о непротивленіи заключается въ томъ, что когда человѣкъ перестанетъ сопротивляться злу насиліемъ, то начнетъ дѣйствовать самъ Богъ, вступить въ свои права божественная природа. Нѣтъ ничего легче, какъ критиковать ученіе Л. Толстого. Очень легко показать, что при непротивленіи всегда побѣдитъ зло. Но Толстой надѣялся на историческое чудо и во имя вѣры въ это чудо непосредственнаго вмѣшательства Бога предлагалъ рискнуть гибелью общества, государства и цивилизаціи, гибелью міра, который держится на лжи и насиліи, на законѣ, противоположномъ закону Бога. Христіане хотѣли устраивать на всякій случай свои дѣла такъ, чтобы дѣла хорошо шли даже если Бога нѣтъ. Л. Толстой прежде всего требуетъ отказа отъ соціально полезной лжи. Съ этимъ связано необыкновенное правдолюбіе его литературнаго творчества. Человѣкъ долженъ прежде всего перестать лгать передъ собой и передъ Богомъ, перестать закрываться отъ истины, которая можетъ причинить страданіе, которая не льститъ человѣку, а иногда и прямо ему угрожаетъ. Любовь къ правдѣ есть основная добродѣтель и міръ бодѣ всего въ ней нуждается. Міръ настолько изолгался, что потерялъ критерій истины. Человѣкъ пересталъ отличать реальность отъ продуктовъ воображенія, порожденныхъ изъ нѣдръ бессознательнаго, отъ мифовъ, обладающихъ витальной и соціальной полезностью. Творческое воображеніе можетъ быть путемъ познанія истины. Но очень всегда подозрительно дѣйствіе воображенія соціально выгодное и полезное, помогающее истребить врага, оправдывающее насиліе.

Наука любитъ истину и ищетъ истину, она не выноситъ лжи. Таковъ ея принципъ. Въ этомъ величіе науки. Настоящій уче-

ный — аскетъ. Но и научныя теоріи, разоблачающія иллюзіи и лживость сознанія (напр., Фрейдъ и психоанализъ), могутъ сами создавать мифы, очень далекіе отъ реальности. Такъ, Фрейдъ создалъ настоящій мифъ объ универсальномъ значеніи комплекса Эдипа, которымъ объясняется самое возникновеніе человѣческихъ обществъ. Онъ является тутъ не изслѣдователемъ мифа, а создателемъ мифа. Интересно, что творческое воображеніе Фрейда тутъ дѣйствуетъ не въ направленіи полезномъ для витальнаго процесса, а въ направленіи очень пессимистическомъ. Философія самого Фрейда настолько слаба (я не говорю о его большихъ научныхъ заслугахъ), что она не можетъ обосновать и оправдать его любви къ истинѣ, разоблачающей ложь сознанія. Одинъ французскій сюрреалистъ сдѣлалъ изъ Фрейда тотъ выводъ, что нужно убивать отца и призываетъ къ этому убійству. Фрейдъ соблазнился не оптимистическимъ, а пессимистическимъ мифомъ. Наука склонна отрицать религіозныя реальности какъ мифы, порожденные коллективнымъ безсознательнымъ. Но она создала мифъ о наукѣ, какъ универсальномъ знаніи, рѣшающемъ все вопросы. Сама наука любитъ истину, но сциентизмъ есть ложь. Ученые сплошь и рядомъ практикуютъ ложь, полезную и выгодную для ихъ научной гордости. Современный романъ раскрываетъ очень горькія истины о человѣкѣ (Прустъ, А. Жидъ, Лавренсъ, романъ психологическаго анализа). Литература въ сущности говоритъ о диссоціаціи личности, объ утерѣ центра личности. Диссоціація личности и порождаетъ ложь. Но самое художественное творчество оказывается вовлеченнымъ въ этотъ процессъ разложенія личности. Зоркое различеніе реальностей есть актъ цѣлостной личности и оно необходимо для правдивости. Возростаніе лживости есть процессъ социальный и процессъ индивидуально-психологическій.

Въ чемъ же причина исключительной роли лжи въ нашу эпоху? Это связано съ измѣненіемъ структуры сознанія. Необычайное возростаніе лжи въ мірѣ и лжи оправданной, не признаваемой какъ порокъ, опредѣляется прежде всего экстеріоризаціей совѣсти. Когда совѣсть, производящая нравственныя сужденія, переносится изъ глубины личности на коллективы и на динамику коллективовъ въ исторіи, то какая угодно ложь можетъ оказаться оправданной. И въ прошломъ ложь оправдывалась не личной совѣстью, а совѣстью коллективной, совѣстью національной, церковной, государственной, военной, классовой, партійной и т. п. Но никогда еще не происходило въ такихъ размѣрахъ изытіе совѣсти изъ глубины личности и перенесе-

нія ея на коллективныя реальности, какъ въ наше время. Личная совѣсть, личное нравственное сужденіе не только парализуются, но отъ нихъ требуютъ паралича. Личная совѣсть никогда не могла бы рѣшиться на такую ложь, на какую рѣшается совѣсть государства, націи, партіи, класса и т. п. Во имя интересовъ германской расы или пролетаріата можно допустить грандіозную и организованную ложь, которая претила бы личной совѣсти отдѣльнаго нѣмецкаго національ-соціалиста или русскаго коммуниста. Перерожденіе структуры сознанія выражается въ томъ, что за индивидуальнымъ сознаніемъ отрицается право даже опредѣлять реальности и отличать ихъ отъ факцій, это право признается лишь за коллективнымъ сознаніемъ. То, что индивидуальному сознанію представляется ложью, для коллективнаго сознанія представляется реальностью, хотя бы это противорѣчило самой ясной очевидности. Всякому, напр., ясно и очевидно, что демократическія государства не хотятъ войны и настроены пацифистски. Но для коллективнаго сознанія Германіи и Италіи ясно и очевидно, что именно демократическія государства хотятъ войны, диктатуры же не хотятъ войны и борятся за миръ. Это есть ложь съ точки зрѣнія личного сознанія и совѣсти, но эта ложь превращается въ реальность съ точки зрѣнія коллективнаго фашистскаго сознанія, ибо способствуетъ могуществу диктатуръ. Для личного сознанія и совѣсти ясно, что разстрѣлянные въ СССР старые коммунисты были убѣжденными коммунистами до конца, а не фашистами и не шпіонами. Но для коллективнаго сознанія генеральной линіи коммунистической партіи ложь о старыхъ коммунистахъ есть реальность, необходимая въ діалектикѣ борьбы.

Ложь современнаго міра не есть ложь въ субъективномъ смыслѣ, въ смыслѣ грѣха субъекта, эта ложь есть выраженіе глубокаго перерожденія структуры сознанія. Изъ міра все болѣе исчезаетъ личная совѣсть и все меньше слышится ея голосъ. Но это не значитъ, что вообще совѣсть исчезаетъ, она мѣняетъ свой характеръ. Кристаллизуется коллективная совѣсть съ такой силой и въ такихъ размѣрахъ, что она совершенно подавляетъ въ человѣкѣ личную совѣсть. Человѣкъ принуждается ко лжи во имя того или иного пониманія коллективнаго блага. Ложь всегда есть въ значительной степени явленіе соціального порядка. Человѣкъ лжетъ главнымъ образомъ другому и другимъ. И даже когда человѣкъ лжетъ самому себѣ, то онъ это дѣлаетъ имѣя сознательно или безсознательно въ виду другихъ. Человѣкъ играетъ роль передъ самимъ собой, чтобы потомъ играть эту роль передъ другими. Диктаторъ всегда бываетъ че-

ловѣкомъ внутренне изолгавшимся, но эта лживость опредѣляется его ролью передъ міромъ. Соціальныя отношенія людей наполнены не только злой ложью, порожденной волей къ могуществу, но и невинной условной ложью. Невинная условная ложь можетъ быть условіемъ возможности человѣческаго общегитія. Такъ, напр., человѣкъ бываетъ вѣжливъ съ другимъ человѣкомъ, котораго ненавидитъ въ глубинѣ души. Ложь дѣлается зломъ, когда воля къ преобладанію и могуществу, не личному только, но и коллективному хочетъ себя во что-то ни стало реализовать. Воля къ могуществу можетъ быть свойственна индивидууму, но онъ всегда носитъ соціальныя характеръ. «Сверхчеловѣкъ» Ницше непременно долженъ обнаружить себя въ соціальныхъ актахъ. И эти соціальныя акты непременно потребуютъ лжи. Воля къ могуществу не можетъ быть реализована иначе, какъ при помощи лжи. Христосъ говорилъ съ силой и въ Немъ была лишь чистая правда. Цезарь, диктаторъ можетъ приобрести силу лишь при помощи лжи. Безъ лжи можно реализовать лишь царство свободы. Свобода есть начало противоположное лжи. И подлинное освобожденіе человека есть освобожденіе отъ власти лжи. Количество лжи въ мірѣ опредѣляется появленіемъ централизованнаго коллективнаго сознанія, одержимаго волею къ могуществу. Этому должно противопоставить героическую борьбу за свободу духа, т. е. за правду, обличающую ложь. Это совѣсть не означаетъ индивидуализма. Человѣкъ есть существо коммюнитарное. Борьба не можетъ не быть направлена на созданіе новаго общества, новой общности людей. Но правда всегда означаетъ, что духъ опредѣляетъ общество, ложь же означаетъ, что общество опредѣляетъ духъ. Новое общество не можетъ быть создано дипломатіей, т. е. приспособленіемъ къ состоянію міра. Міръ такъ полонъ лжи, ложь настолько развѣдаетъ самыя возвышенныя человѣческія идеи, что одними силами міра, въ которомъ все релятивизировано, нельзя побѣдить ложь. Вѣра въ побѣду надъ ложью предполагаетъ вѣру въ существованіе силы, возвышающейся надъ міромъ, силы надмірной Истины, т. е. Бога. Даже если весь міръ зараженъ ложью, то все-таки есть Истина, чистая отъ всякой запятанности ложью, и въ борьбѣ противъ лжи мы должны соединиться съ этой Истиной. Личная совѣсть опредѣляетъ наше отношеніе къ этой высшей Силѣ — Истинѣ, но это не есть совѣсть изолированная отъ другихъ людей, это есть совѣсть проникнутая чувствомъ духовнаго братства людей, братства въ Истинѣ, а не во лжи.

Николай Бердяевъ.